

*Е.Ф. Левочская**Российский государственный гуманитарный университет**С.С. Левочский**Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова*

**«ПОЖАЛЕЙ...» И «ПЛАЧ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ»:
МАРИНА ЦВЕТАЕВА В ДИАЛОГЕ С ТРАДИЦИЕЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРИЧЕТИ**

В статье два стихотворения М.И. Цветаевой разобраны в контексте фольклорных причитаний. Показано, как традиционные мотивы и образы используются для выражения оригинальной авторской идеи.

Поэзия и фольклор, причитание, фольклоризм поэзии Цветаевой.

Цветаева и фольклор – тема, привлекающая внимание. Чаще всего в этом ключе рассматриваются отдельные стилистические приемы [4] или фольклоризм поэм (см. обзор литературы в [3]). Иосиф Бродский в эссе о «Новогоднем» обратил внимание на «заинтересованность ее в традиции причитания (скорее не заинтересованность, а настроенность на него – слуха)»: «...дело в стремлении поэта к передаче психологии человека нового времени средствами традиционной народной поэтики. Когда это удается – а Цветаевой это удавалось почти всегда, – возникает ощущение языковой оправданности любого разлома или вывиха современного сознания; и не просто языковой оправданности, но, о чем бы ни шла речь, заведомой оплаканности» [2, с. 36]. «Новогоднее», как некоторые другие тексты на смерть поэтов или близких, сродни причитанию не только по поэтике, но и функционально: датированное 41-м днем после смерти Рильке, стихотворение (поэма) коммеморативно и по поэтике, и по прагматике.

Мы оставляем за рамками рассмотрения такие функциональные плачи (стихи на смерть конкретных людей). Также не будем останавливаться на стихотворении «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь», в котором есть образ причитающей Руси (см. анализ этого текста в [6]), и аллюзиях к Плачу Ярославны в «Лебедином стане». Во втором случае отсылка происходит скорее не к фольклорному жанру, а к произведению древнерусской литературы, и помогает она говорить не о смерти другого, а о смерти вообще и ее историческом контексте. В этой статье нас будут интересовать только те тексты, в которых диалог с причитанием как жанром эксплицирован. Они не посвящены конкретной смерти, но и заголовок, и стилистика отсылают к фольклорным плачам на смерть другого.

В качестве материала для сравнения приводятся в основном тексты вологодских причитаний и наблюдения над ними, вошедшие в наше исследование похоронной и поминальной причеты в XX веке [11]. Этот регион в целом типичен для русской причеты по образности и поэтике, а высокая сохранность в XX веке позволила сделать фиксации и наблюдения над традицией, в Центральной России к этому времени уже почти разрушившейся.

В начале XX века деревенский обычай причитать был живым, а благодаря сценическим выступлениям плакальщиц и горожане, как можно судить по очерку М. Горького «Вопленица», были вовлечены в его обсуждение. В 1872 году вышел трехтомник Е. Барсова «Причитания Северного края», где тексты народных плачей можно было прочесть. «Пожалей...» (1920 год) и «Плач матери по новобранцу» (1928) Цветаевой прямо отсылают к похоронному и рекрутскому причитаниям соответственно. Нет свидетельств о том, чтобы они были вызваны конкретными событиями или людьми, скорее это ответ Цветаевой-поэта на народную традицию, безусловно знакомую ей.

Стихотворение «Пожалей...» написано в 1920-м году. В статье о фольклорной поэтике в лирике Цветаевой воспроизводится контекст и читательское восприятие текста.

«В письме к Ланну Цветаева пишет: “Кончила те стихи, над мертвым. Хотела по-Вашему (вопросом), вышло по-моему (ответом, – и каким!)”. В “Пожалей...” звучит призыв к гуманизму и, одновременно, заявлен протест личности, сопротивляющейся восприятию смерти человека как обыденного явления, а не трагического: “Дай-кось я с ним рядом ляжу... // Зако-ла-чи-вай!” В записных книжках, характеризуя ответ, то есть позицию, заявленную в стихотворении, М.И. Цветаева делает следующую пометку для себя: “...это мое дело на земле!”» [5, с. 174].

Нам представляется, что образы этого стихотворения генетически восходят к обрядам, и только в контексте городской культуры начинают интерпретироваться как личный и исполненный гуманизма жест.

«Пожалей...» имеет диалогическую структуру.

– Он тебе не муж? – Нет.
Верить в воскрешенье душ? – Нет.
– Так чего ж?
Так чего ж поклоны бьешь?
– Отойдешь –
В сердце – как удар кулашный:
Вдруг ему, сыночку, страшно –
Одному? [9, т. 1, с. 574–575].

В похоронных причитаниях другой голос не появляется, однако обряд предписывает демонстрацию неуме-

ренной скорби – и сдерживание ее другими участницами похорон, что находит отражение и в текстах.

Попытки остановить причитающую – это тоже часть причитания. Не случайно в запасе формул есть такие: «Ой, не стювайтё*, подруженьки, / Ой, не стювайтё жо, милые! / Ой, не стювайтё, а заставляй-котё!» Такой текст возникает, когда «окружающие пробуют остановить “ревуню”»: “Будёт, отдохни, тя-жело! Наревелась, будет!”» [11, с. 343].

В стихах Цветаевой такой диалог скорее содержа-телен, чем ритуален. «Не пойму!», – восклицает анта-гонистка жалеющей встречного плакальщицы. Уте-шающие подруги деревенской плакальщицы, конечно, все понимают и удерживают ее, чтобы дать ей воз-можность выразить горе в полную силу.

В текстах причитаний показано, как неподвиж-ность и безответность «тела мертвого» обнаруживает-ся путем последовательных приближений: очи не от-крываются, уста не говорят, руки не поднимаются. Это ритуальные формулы, как и сетования сирот. В поэтическом тексте подобные констатации поданы как реплики здравого смысла в ответ на иррациональ-ную жалость:

– Без перинки
Не простыл бы! Ровно ссыльно-
Каторжный какой – на досках!
Жестко!
– Черт!
Он же мертв!
Пальчиком в глазную щелку –
Не сморгнет! [9, т. 1, с. 575].

Образ постели, перины и жестких досок также присутствует в фольклорных плачах. Это может быть противопоставление «тесовой лавке», на которой ле-жит покойник («Уж я сяду, сиротиночка, / На тесовую на лавочку <...> / Я не к мягкой ко постеленьке. / Не к высокому изголовью / К холодному да одеяньицу»; причитальщица обращается к земле: «Будь ему ты периною, да, / Будь ему ты хоромам, да»), а может быть метафора гроба («Посмотри-ко ты, матушка, / Как собирают – снаряжают / Тебе мягкую стеленьку, / Крутоё-то зголовьице, / Устилают те, маменька») [11, с. 139–140]. В этом контексте становится виден вто-рой смысл сожаления об умершем в стихах: то, что ему не дано «перинки», – это и сожаление об утрате земной жизни, и желание достойного, правильного погребения.

Наконец, кульминационные строки стихотворения Цветаевой («Дай-кося я с ним рядом ляжу... / Зако – ла – чи – вай!») находят прямое соответствие в практике причитаний, когда вдове было предписано кидаться на гроб. В наших полевых записях были свидетельства.

Все похороны обязательно к этому и сводились. У нас люди и сейчас идут на похороны проводить че-ловека и посмотреть, кто как ревел (кто сильно, а кто не сильно).

И еще было такое, чтобы в могилу бросались обя-зательно. Вот гроб и опустили, и она чтобы обяза-

тельно туда. «Вот не бросилась, дак она <жена> ево и не любила» [11, с. 324].

Соответственно, в текстах причитаний также воз-никает образ женщины, желающей лечь живой в мо-гилу: «Я бы рада-радё...ох...шенька да / В белой гроб да лежи...ох...тиси, да / В сыру землю спусти...ох... тиси! <...> / Заменяла бы ма...(мушку)» (Там же, с. 144–145).

Так в коротком лирическом тексте Марина Цветаева делает отсылки и к вербальному, и к акциональному кодам традиционного похоронного обряда. Эти отсылки происходят в основном на содержательном и лексиче-ском уровнях, минуя ритмику и строфику, что переносит традиционные образы в городскую контекст.

Двойственность образа мира – неверие в воскресе-ние душ и допущение, что покойному страшно, как и плач о любом человеке по факту смерти, – в риту-альном контексте традиции причитаний не выглядит странным. В быличках, которые связаны с христиан-ской культурой на уровне образов, но имеют другие мифологические основания, покойники ведут себя как живые и на чувственном, и на эмоциональном уровнях, а практика оплакивания связана со страхом ходячих покойников, в которых превращаются умер-шие, похороненные с нарушением ритуала, и желани-ем обеспечить покровительство «дедов», и только во вторую очередь – с эмоциями родных (см. об обрядо-вой роли плачей: [8]). В лирическом тексте и город-ском контексте очевидность ритуала утрачивается, и у образов появляется парадоксальность, которая стано-вится художественным эффектом, придающим стихам особую силу воздействия.

Написанный спустя восемь лет «Плач матери по новобранцу» отсылает к практике рекрутских причи-таний, также распространенных в славянской культу-ре. Записи рекрутских причитаний составляют второй том «Причитаний северного края» Е. Барсова. Плачи сопровождают молодого мужчину в лиминальной ста-дии проводов на воинскую службу, помимо плачей обряд проводов включал гулянья. На уровне текстов рекрутские причитания похожи на похоронные: ухо-дящему на службу так же, как и умершему, пеняют, что он оставил детей сиротами, а дом без поддержки.

В стихотворении «Плач матери по новобранцу» «сыннок пороженный, / Бе – ре – женый!» называется «младенцем» [9, т. 2, с. 272]. Само определение «бе-реженный», безусловно, находится в рамках плачевой традиции, хотя больше ассоциируется с причитания-ми невесты, которую в отчем доме любили и берегли от тяжелой работы, или с идеализированными обра-зами похоронных плачей («Тело белое, хорошее. / Оно не стужено, не нужно», в значении «не принужда-лось» к работе [11, с. 172]). Но название «младен-цем» – авторское выражение идеи жалости через об-раз беззащитного дитя.

Идея виктимности новобранца, вместе с тем, ор-ганична для причитаний. Лингвистический анализ показывает, что «в рекрутских плачах особенно частотны глаголы деструкции и причинения физического вреда, поддерживающие идею виктимности рекрута, а в свадебных причитаниях фиксируется большая груп-па названий отдыха и забав, работающих на “сибарит-ский” образ невесты» [7, с. 244].

* СТЮВАТЬ, стюнуть кого, новг. вологодск. счувать, щунять, усочувывать, пожуричь, унять (от чують) // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. С. 351.

На формальном уровне есть отсылки к структуре плача. В этих стихах Цветаева использует парную рифмовку, свойственную фольклорным текстам и спорадически появляющуюся в не рифмованных текстах причетов, хотя строчки короче. Есть типичная лексика: «Персонажи – армейские чины. Армейские организационные подразделения: рота, полк» [7, с. 240, 242]: «батальоны – эскадроны!», «армейцы» (МЦ). Но важным становится взгляд со стороны, рефлексия над деревенским плачем, когда сила плача («Слезая деревенска, / Океанска!») сочетается с его обыденностью: («Сколько б вас, Егорок, / Ни рожала – // Мало! Мои сучья! / Кровь чья? Соль чья? / Мало! Мала куча: / Больше! Больше!»), а также появляются образы материнского молока («Млецо́м отлилася – / Слезой лейся!») и «большеротого» малыша.

В «Плаче по новобранцу» говорится: «Башка – вербой / Вьется» [9, т. 2, с. 273]. Позднее в стихах памяти дочери Ирины детская голова метафорически будет названа: «Светлая – на шейке тоненькой – / Одуванчик на стебле!» (Там же, т. 1, с. 518). Уподобление умершего растению – одна из частотных метафор причитаний, что неоднократно привлекало внимание исследователей.

А.А. Потехня пишет о сближении слов «род» и «рост»: «Слово род, в смысле совокупности родичей, предполагает значение произрастания (деятельности) и плода (результата)... оно включает в себе сравнение рода как явления человеческой жизни с произрастанием дерева и растений вообще» [12, с. 311]. Ученый считает, что изменения, происходящие в жизни растения, были замечены раньше возрастных изменений человека и послужили объяснением и наименованием последних. А.Н. Веселовский указывает на связь «молод» – «зелен, крепок», «зеленый = молодой» [11, с. 217].

К оплакиваемому обращаются: «цветочек баской яблочек», «Молодым-то молодешенька, / Зеленым ты зеленешенька / Расставаешься со белым со светом». О сиротах говорится: «Да оставил-то, милая, / Да ты недорослых-то травонек, / Да незрелых-то ягодок» (Там же, с. 216). Но для Цветаевой, использующей редкие для причитаний сравнения (в свадебном причитании молодой брат называется «Братец – тоненька тониночка, Золота, братец, вербиночка» [1, с. 291]), важен не жизненный цикл, а тактильное и изобразительное сходство. Верба и одуванчик пушисты, их можно гладить, как детскую головушку.

Если говорить о фольклоре в целом, то верба – растение, входящее в разные жанры и обряды и принимающее разное символическое наполнение. Как первое пробуждающееся после зимы растение, освященная верба ассоциируется с воскресением; растение используется в продуцирующей магии как воплощение плодородия и жизненной силы; в то же время иллюзорность «плодов» вербы вводит образ в «формулы невозможного», демонстрирующие несбыточность и лживость этого чуда (Там же, с. 284–285, 290).

Чуждость сына, какие бы смыслы ни прочитывались вслед за этим, важна для стихотворения. Тем контрастнее выглядит заурядность его смерти как солдата: «Людам – сотый, / А мне – первый!» [9, т. 2, с. 273].

Интересно, что некоторые образы и мотивы, рассмотренные выше, появились еще в стихах на смерть Петра Эфрона, написанных в 1914 году и, по замечанию Ирины Шевеленко, изменившие отношение поэта к письму на эту тему, так как она столкнулась с реальной смертью близкого человека [10, с. 92]. В частности, в них уже появляется образ «ребенка с венчиком на лбу» (каковым становится взрослый мужчина, когда смерть делает его беспомощным, а жалость к нему обязательной) и мотив женщины, согревающей покойника своим теплом: «Дыханием души и тела / Согрейте ледяную кровь!» [9, т. 1, с. 210]. Но стилистически текст оформлен иначе: высокий слог («горестный ночлег», «краткий срок»), романтические образы («шорох шагов и платья», «успела / остыть любовь», «за кого пошли бы в ад») принадлежат книжной традиции баллад и элегий. Средства причитаний помогают найти оригинальное выражение идеям, существовавшим в поэтическом космосе Цветаевой и до них.

Итак, в стихах «Пожалей...» и «Плач матери по новобранцу» аллюзии к причитаниям обретают гуманистический пафос. Ритуал полон условностей и символов, эмоции в нем эксплицированы и гипертрофированы, но для автора такой накал становится адекватным ответом на обыденность смерти в окружающем мире. Обрядовые мотивы психологизируются, переосмысливаются как жесты жалости. Оба стихотворения содержат несколько точек высказывания. «Пожалей...» распадается на два голоса, в том числе графически, в «Плаче матери по новобранцу» первое лицо в конце текста сменяется вторым, а обращение к сыну обращением к матери. Оба эти диалога можно прочесть как внешние (причитальщица и сомневающийся обыватель) и внутренние (деревенское широкое горе против рефлексии городского самосознания).

Литература

1. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) / Т. А. Агапкина // Славянский альманах. – Москва : Индрик, 2014. – Вып. 1–2. – С. 283–302.
2. Бродский, И. А. Об одном стихотворении / И. А. Бродский // Цветаева М. И. Новогоднее / составитель Е. Коркина ; редактор А. Перевозов. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой : Российский государственный архив литературы и искусства : Изограф, 1995. – С. 20–94.
3. Латыпова, И. Ю. Фольклорные мотивы в творчестве М. Цветаевой: 1916–1925 гг. / И. Ю. Латыпова // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г.) / составитель: А. В. Подчинов, Д. В. Харитонов. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета : Союз писателей, 2007. – Т. 2. – С. 129–133.
4. Леенсон, Е. Фольклорные традиции в поэзии М. Цветаевой / Е. Леенсон // Русский язык (ПС). – 2010. – № 12. – С. 35–40.
5. Макашева, С. Ж. Поэтика фольклора в лирике М. И. Цветаевой (1916–1920 годы) / С. Ж. Макашева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 170–176.
6. Скрипова, О. А. «Причитающая Русь»: стихотворение «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь» в контексте лирической книги Марины Цветаевой «Лебединый

стан» / О. А. Скрипова // Филологический класс. – 2008. – № 20. – С. 94–96.

7. Сурикова, О. Д. Мир войны и мир горницы в «причитаниях северного края» Е. В. Барсова / О. Д. Сурикова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы V Международной научной конференции / Е. Л. Березович (ответственный редактор), О. Д. Сурикова (ответственный редактор), Е. О. Борисова (ответственный секретарь), С. О. Горяев, Н. В. Кабина, М. Э. Рут. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 238–246.

8. Толстая, С. М. Обрядовое голошение: Лексика, семантика, прагматика / С. М. Толстая // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и голоса в традиционной культуре славян. – Москва : Индрик, 1999. – С. 135–148.

9. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 томах / М. И. Цветаева ; составитель, подготовка текста и комментарии А. Саакянц и Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с. ; Т. 2. – 592 с.

10. Шевеленко, И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология–поэтика–идентичность автора в контексте эпохи / И. Д. Шевеленко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

11. Югай, Е. Ф. Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке / Е. Ф. Югай. – Москва : Индрик, 2019. – 528 с.

12. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 2000.

E.F. Levochskaya, S.S. Levochskiy

**“PITY” AND “MOTHER'S CRY FOR A NEW RECRUIT”:
MARINA TSVETAEVA'S DIALOGUE WITH THE TRADITION OF FOLKLORE LAMENTATIONS**

The article analyses two poems by M.I. Tsvetaeva in the context of folklore lamentations. It is shown how traditional motifs and images are used to express the author's original idea.

Poetry and folklore, lamentation, folklorism in Tsvetaeva's poetry.